

Александр Иванович Чупров

Александр Иванович Чупров (1842–1908) — российский ученый-экономист, статистик, общественный деятель. Родился в Мосальске Калужской губернии. По окончании с отличием Калужской духовной семинарии в 1861 г. поступил в Петербургскую духовную академию, но уже через год перешел на юридический факультет Московского университета, который окончил в 1866 г. С 1878 по 1899 г. являлся профессором кафедры статистики и политической экономии. Защитил магистерскую (1875) и докторскую (1878) диссертации по тематике железнодорожного хозяйства и его экономических особенностей. Читал курсы политической экономии для студентов 1 и 2-го курсов юридического факультета Московского университета.

О СОВРЕМЕННОМ ЗНАЧЕНИИ И ЗАДАЧАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Вступительная лекция преподавателя политической экономии в Императорском Московском Университете А. Чупрова, читанная 2-го октября 1874 года^{1, 2}.

Политическая экономия, наряду с естественными науками, привлекает ныне всеобщее внимание. Стоит присмотреться к текущей прессе, прислушаться к толкам в обществе, чтобы прийти к выводу, что экономические вопросы поглощают собою большую часть мыслей современного человека. Жгучая забота о материальных интересах, которые составляют предмет исследования политич. экономии, есть отличительная черта нашего века, подобно тому как склонность к философским и политическим изысканиям характеризовала собою XVIII ст., любовь к церковно-богословским вопросам отличала два предшествующие века. Нельзя сказать, чтобы в этом складе мысли выразилось только материалистически-практическое направление эпохи, которому так часто его приписывают. В самом строе современного хозяйственного быта лежит целый ряд могучих причин, которые невольно наталкивают мысль на анализ явлений, входящих в область политической экономии. Если мы бросим беглый взгляд на совокупность превращений, совершившихся в экономической жизни народов в течение последних ста лет, то невольно убедимся в том факте, что едва ли какая-либо отрасль народного хозяйства осталась без перемены и даже, можно сказать, без коренного преобразования. Способы производства, распределения, обращения и потребления ценностей, земледелие, обрабатывающая промышленность и торговля, отношения разных сословий и классов друг к другу, общественные учреждения, а вместе с тем самые нравы и обычаи, — представляют

¹ Москва. Типография «Русских Ведомостей», Арбат, Крив. пер., д. Делоне. 1874 г. Дозволено цензурой. Москва, 19-го октября, 1874 г.

² Орфография приведена в соответствие с современными правилами русского языка. Сохранена авторская пунктуация. Обработка текста осуществлена Мотовиловой Д.А.

ныне иной своеобразный вид, существенно отличный от всех предшествующих форм. Я позволю себе обратить внимание ваше на существенные черты происшедшего преобразования и отметить его связь с пробудившимся интересом к экономической науке.

Потребности пищи, одежды, жилища, целый ряд духовных нужд — прирождены человеку всех местностей и всех исторических эпох. Определяясь помимо воли человека устройством его физической и духовной природы, свойствами общезития и постепенно развивающеюся культурою, эти нужды требуют для своего удовлетворения известного рода материальных предметов. Единственным творцом этих необходимых предметов служит труд человека. При данном состоянии знаний и навыков в обществе на каждый предмет должно быть затрачено определенное количество труда. Между тем запас труда, которым человек располагает, не есть величина неограниченная; человек может находиться в деятельности, без вреда для своего организма, лишь известное число часов в день. Отсюда важнейшую задачу человека всегда составляет приноравливание количества и качества труда, которым он располагает, к размеру и роду имеющихся потребностей; мысль человека в области хозяйства всегда вращалась и вращается на вопросе о планомерном направлении труда. Понятно, что эта задача разрешается тем проще, чем яснее для человека круг потребностей и чем, с другой стороны, свободнее он может распоряжаться направлением своего труда.

На первых ступенях развития культуры господствует так называемое *натуральное хозяйство*. Общество разбито на мелкие хозяйственные единицы, из которых каждая производит исключительно для собственного потребления. Каждая семья своими руками и добывает все нужное для удовлетворения своих несложных надобностей, и перерабатывает сырой материал, применительно к потребностям. Каждое лицо есть и производитель и потребитель собственных своих изделий. Как ни труден такой порядок жизни, как ни скудно удовлетворяются в этом простом быту неизбежные потребности человека, но задача хозяйства здесь проста и не тревожит мысли: ибо нет сомнения, что для человека всего яснее *собственные* его потребности, человеку всего легче измерить и направить *собственный единственный* труд.

Опыт показывает, что труд человека бывает производительнее, если он сосредоточивается на одном каком-нибудь деле, а потому, при развитии культуры и прибавке населения, в хозяйственном обществе мало-помалу возникает разделение занятий. Что же значит разделение занятий? — Человек начинает производить ценности не для собственных только нужд, а для надобностей других лиц; носитель потребности отделяется от представителя труда, человек становится в необходимость приноравливать свой труд к *чужой* потребности. Очевидно, что хозяйственная задача здесь усложняется, ибо один из элементов для ее решения — потребности, — теряет свою первоначальную ясность.

Но первобытное разделение труда ясно носит на себе следы натурального хозяйства. Обмен не широк, — он ограничивается пределами общин и ближайшим соседством; он и не может быть широк, потому что лишь небольшое число драгоценных продуктов в состоянии выдерживать отдаленную перевозку. Таким образом производство в этом период всегда имеет в виду потребности ограниченные, известные, твердо определенные. Спрос, заказ предше-

ствуют производству и составляют для него заранее данное мерило. При таких условиях приспособление труда к потреблению хотя и становится труднее, но не представляется недостижимым. Чтобы регулировать труд, чтоб устранить для него возможность разойтись с условиями потребления, является цеховое устройство. Промыслы целой общины подчиняются определенному порядку, который обнимает собою как распределение труда на разные отрасли, так и количество сил в каждой отрасли,

Дальнейший шаг хозяйственного развития состоит в том, что самостоятельные ремесла начинают соединяться в *мануфактуры*. Мануфактура, с ее обширным производством, которое составляет естественный результат кооперации, не может дожидаться заказов; она вынуждена работать на сбыт; не зная, кто будет потребителем изделий, она должна сама искать себе потребителей. Как прежде потребности спроса предшествовали производству, служили ему руководством и заранее известным мерилом, так теперь производство предшествует спросу, старается вызвать его. Понятно, что при таких условиях точное вычисление потребностей, которое делалось так легко в двух предшествовавших периодах, становится делом в высокой степени трудным и даже почти невозможным. Производитель должен действовать ощупью, руководиться инстинктивными указаниями опыта. Единственным регулятором труда, поддерживающим равновесие различных занятий, является в этом периоде закон цен и взаимное соперничество. Повышение и понижение цен товаров служат для производителя верным признаком необходимости расширить или сократить производство. Так как в этом периоде еще мала затрата постоянных капиталов, так как, с другой стороны, при сравнительно редком населении, представляется обширное поле для труда, то сохранение производства, восстановление нарушенного равновесия не представляется практически неосуществимым.

В настоящем столетии народное хозяйство вступило в новый фазис развития. Благодаря успехам естественных наук, человеку удалось подчинить своим целям мертвые силы природы. Начиная с конца прошлого века, непрерывно идет ряд изобретений, которые постепенно заменили ручной труд машинным, оставив за человеком лишь роль руководителя механизмом. Введение машин произвело существенную перемену в доколе существовавшем хозяйственном порядке. Чтобы приспособить машину к человеческому труду, оказалось необходимым самый труд разделить на множество простейших операций, приготовление цельного продукта раздробилось между целым рядом отдельных лиц, из которых каждое производит лишь небольшую часть. Далее, производительность труда настолько увеличилась через машины, что явилась надобность в громадном расширении сбыта. Благодаря улучшенным путям сообщения, английская фабрика работает теперь для всех частей света. Но что главное — самая значительная часть труда, употребляемого на изготовление товаров, стала затрачиваться ранее, нежели начнется самое их производство. Большая часть работы, которая произвела фунт пряжи, затрачена на устройство фабричных зданий, на приготовление бесчисленных машин, нужных для прядения. Эти три особенности современного производства в громадной степени затрудняют решение основной хозяйственной задачи. При обширности современного сбыта становится невозможным точно соображать потребности. Английский фабрикант

тканей не в силах с точностью вычислить, как велик будет запрос его южноамериканских покупателей в тот момент, когда достигнут туда его изделия: он по необходимости должен работать на риск. В прежнее время указателем потребности служили цены; в настоящем же периоде, под влиянием сложных явлений денежного обращения и кредита, этот масштаб теряет свою верность. Но если бы даже состояние цен и давало труду полезное указание, современный промышленник в большинстве случаев не в состоянии ему следовать. Мы уже видели, что отличительной чертой современного производства служит громадное разделение труда, сосредоточивающее человека на одной какой-либо операции. Естественным следствием этого порядка является навык к одному роду занятий и полная отвычка от всего другого. С другой стороны, большая часть труда, стоимость которого переходит в товары, затрачена на машины и здания уже прежде, нежели произведен хотя один экземпляр товара, и закреплена при том так прочно, что не может получить другого назначения. Если бы даже рынок указывал на существование неправильностей в направлении труда, производитель был бы не в силах обратить его на другое занятие. Таким образом, потребности, ради которых трудится современный человек в области хозяйства, составляют неизвестную величину, которая может быть определена лишь приблизительно, чрез сложный процесс мысли; над собственным трудом он не властен: раз избравши известное дело, он волей-неволей должен вести его целую жизнь.

К этому присоединяется еще тесная связь, в которую все более и более становятся отдельные хозяйства. Когда пароход прорезал волны, железная дорога дробила горы и соединила долины, телеграфная проволока оцепила весь мир; когда различные страны, сознав свои преимущества и слабости, увлечены в международное разделение занятий, — тогда сделалось невозможным держаться при прежних границах и условиях обмена. Отдельные хозяйства все полнее втягиваются в живую сеть меновых сношений; но меновые сношения означают взаимную зависимость. Стоимость хлеба, производимая орловским крестьянином, ныне диктуется лондонским рынком, по соображению с состоянием жатвы в Америке. Русский производитель железа должен считаться с ходом производства в Шеффилде. Судьба каждого отдельного хозяйства неразрывно связана с состоянием прочих. Стоит одной группе производителей неверно повести свои расчеты, и ее ошибки вовлекут в ничем не заслуженное расстройство целый ряд других, быть может, вовсе неизвестных ей хозяйств. Эта роковая зависимость всего яснее выражается в событиях последних кризисов, когда гибли не только предприятия, вызвавшие кризис чрезмерной спекуляцией, но и хозяйства вполне скромно и расчетливо ведшие свои дела. Таким образом, каждое хозяйство в настоящее время не только само имеет больше случаев нарушить свой баланс, но и стоит под риском пострадать и пасть без всякой с его стороны вины, в силу внешних влияний.

К представленному перечислению трудностей современного хозяйства не забудем прибавить еще переходный характер эпохи. На наших глазах повсюду идет процесс разрушения старых хозяйственных форм, оттесняемых наплывом новых идей и отношений. В области мануфактурной промышленности машина давит ремесло, которое держалось целые поколения и доставляло верный за-

работок обширным группам народа. Быстро следующие одно за другим технические изобретения беспрестанно заставляют менять порядок и приемы производства. В торговле повсюду замечается перемена вековых путей, к которым приспособились все отношения. Давно ли большая часть нашего хлеба шла за границу через Одесский и Петербургский порты? Система железных дорог соединивших Ригу с черноземной полосой, дала было преобладание Риге; затем наши хлеба потянулись в Кенигсберг; но в последнее время колеблется и Кенигсбергская торговля. В сельскохозяйственной промышленности на глазах у всех происходит вынуждаемое неизбежной необходимостью изменение земледельческих культур. Десять лет тому назад, главною отраслью земледелия на западе Европы было производство зерновых хлебов, а между тем теперь, когда Европа соединилась удобными путями с плодоснейшими местностями Венгрии, России и Северной Америки, возделывание хлеба стало там невыгодным и постепенно заменяется разведением кормовых и торговых растений. Во всех отраслях промышленности заметен упадок мелких хозяйств и замена их крупными. Наше время нашло разрешение этой задачи в ассоциации труда и капитала. Великое начало ассоциации брошено в современное сознание, но практика еще далеко не выработала всех условий его применения. Отсюда крайняя шаткость всех отношений, тревожная сомнительность положения каждого человека. Под влиянием этих новых условий экономической и общественной жизни все сильнее раздается призыв к науке, чтоб она дала отчет в множестве новых, нахлынувших со всех сторон явлений, чтоб она объяснила современные задачи, мотивировала неясные стремления, указала пути, осветила средства к достижению целей.

Усиленные запросы от экономической науки не могли не отразиться на самом характер ее разработки. Научный анализ общественных отношений есть вообще дело новое. Нужен был длинный ряд умственных усилий, продолжительная практика над исследованием природы, для того, чтобы человеческая мысль могла с некоторой надеждой на прочный успех приступить к разработке сложных и запутанных явлений общежития. Политическая экономия из области общественных дисциплин прежде всех приняла научную форму. Но при всем том первый систематический труд по ней относится только к 1776 году. Начальный шаг на пути научного анализа состоял в том, чтоб укрепить в убеждениях людей веру в закономерность хозяйственных явлений, выснить с полною очевидностью, что народное хозяйство не есть бессвязный материал, который может принять ту или другую форму под рукой искусного зодчего, что в нем действуют свои непоколебимые законы. Чтобы доказать эту закономерность, нужно было взять из содержания действительных явлений самые общие признаки; нужно было уединить явления от всех осложняющих обстоятельств и привести их к самому общему типу. Эту задачу выполнила школа Адама Смита и его ближайших последователей. Хозяйственная жизнь, по воззрению Смита, заключается в производстве материальных ценностей и потреблении их для нужд человека. Задача лучшего народного хозяйства состоит в возможно большем производстве и потреблении. Адам Смит открыл в экономической жизни особые силы, при полной свободе действующие с свойствами сил естественных, и вывел хозяйственные законы, которые, при отсутствии по-

стороннего вмешательства, управляют явлениями с столь же абсолютною необходимостью, как законы природы. Адам Смит принимал, что отдельный человек руководится в своей хозяйственной деятельности единственно мотивом собственной выгоды и потому наилучшим образом знает, что соответствует его интересам. Если индивидуум будет пользоваться полною свободою, то повсюду разовьются такие формы и способы ведения предприятий, при которых имеющиеся в распоряжении народа силы труда, почвы и капитала достигнут высшей производительности, а отсюда, как необходимое следствие, разовьются возможно большие потребление и производство. Эта свобода породит и нормальное, т.е. обусловливаемое абсолютными хозяйственными законами, распределение богатств. Каждая производительная сила получит в процессе хозяйственного распределения эквивалент, соответствующий ее участию в производстве. Хозяйственная свобода приведет к полной гармонии интересов производителей и потребителей, ибо стремление отдельных лиц под влиянием конкуренции поставить свои товары настолько дешево, насколько это возможно, соответствует стремлению потребителей купить возможно дешевле. Из основных воззрений Адама Смита сами собой вытекали правила рациональной хозяйственной политики государства. Эти правила: предоставление полного, ничем не стесняемого простора действиям отдельных лиц, свободное пользование землею, капиталом, собственною и чужою рабочею силою, свободное, основанное на частном договоре, установление рабочей платы и процента с капитала; устранение всякого государственного воздействия на развитие рабочих сил, на основание и ведение промышленных предприятий, на договоры о пользовании землею, о рабочей плате, о времени и роде работ.

Смитовская школа была верным отпечатком своего времени, истинным продуктом той эпохи, когда действовали Кант и Руссо¹. Подобно тому, как Руссо и Кант вызвали на свете такую школу государственного права и политики, которая хотела построить всеобщую государственную форму, не обращая внимания на данные от природы различия человечества, на разницы в ступенях развития и природных задатках наций; точно так же и Адам Смит из некоторых философских тезисов и хозяйственных наблюдений стремился извлечь истины всеобщего значения, и таким образом, в духе того времени, создать род всемирной экономии или экономии человечества. Смитовская школа исходит из того взгляда, что законы народного хозяйства, будучи основаны на постоянном отношении всегда себе равной экономической природы человека к внешним вещам, стоят выше пространства и времени и остаются неизменными при всякой перемене явлений. Сюда присоединяется еще вторая особенность школы Смита, общая ей со всей философией века просвещения. Она исходит из того же самого атомистического воззрения на гражданское общество, как и век просвещения, считает интерес отдельного лица единственною целью всего общежития. Политическому рационализму государство представлялось правовым учреждением для гарантии свободы индивидуума; экономическому рационализму хозяйственное общество казалось союзом или системой отдель-

¹ Jahrbucher für Nationalökonomie und Statistik von Bruno Hildebrandt Jahrg, 1873. B. I. S. 2.

ных хозяйств, устроенной для легчайшего и удобнейшего удовлетворения всех потребностей частных лиц. Политический рационализм основывал общество на правовом договоре; экономический рационализм — на меновом или рабочем договоре отдельных лиц; частная выгода индивидуума являлась в обоих случаях исключительным связующим началом общезития.

Нужно заметить, что Смитовская теория вполне отвечала потребностями той эпохи, в которую возникла. Глазговский профессор был слишком чуток к явлениям окружавшей его действительности. В эпоху возникновения его теории повсюду в цивилизованных государствах Европы мы находим поземельную собственность связанную; огромные пространства земли в привилегированном владении отдельных классов общества; сельский рабочий, прикрепленный к земле, страдает под гнетом крепостного права и неотчуждаемых повинностей; законы о росте препятствуют свободному движению капиталов; Вследствие цехового устройства право на самостоятельное ведение промыслов составляет привилегию отдельного класса; правительственные распоряжения до мелочных подробностей нормируют ход ремесел и промыслов; таксы определяют цену товаров и заработной платы; внутренний обмен встречается на каждом шагу заставы и поборы; внешняя торговля, регулируемая правительствами в интересах выгодного торгового баланса, терпит от бесчисленных ввозных и вывозных пошлин и старается обойти препятствия свободному обмену чрез систематическую организацию контрабанды. Никакой успех народного хозяйства был невозможен прежде, нежели падут эти связывавшие его оковы. Адам Смит так ясно и живо изобразил весь вред стеснений промышленной свободы, что под его знаменем на время соединились все те, кому было дорого народное благо. Его идеи бесконтрольно господствовали в течение нескольких поколений, проникли в законодательство и политику и постепенно уничтожили все те тягости, против которых он ратовал.

Но новое время выдвигало новые задачи. После эпохи тяжелой государственной опеки казалось, что одно освобождение от уз, лежавших на производительных силах страны, достаточно, чтобы привести общество к желанному благоденствию. История XIX века подорвала эту веру; рядом неопровержимых фактов она доказала, что свободная конкуренция, давая пышный расцвет некоторым сторонам хозяйства, в то же время ведет к порабощению целых общественных классов и к появлению в обществе еще больших бедствий, чем при прежней системе. Громадное расширение промышленности, составляющее плод экономической свободы и одновременного переворота в технических условиях производства, вызвало крайнюю неравномерность в распределении имуществ и создало в Европе пролетариат. Широкое развитие денежного и кредитного хозяйства ведет к периодическим кризисам, которые потрясают все основы экономического здания современных обществ. На почве XIX века вырос социальный вопрос, который выступал сначала робко в теориях никем не признаваемых мыслителей, но скоро сделался одною из главных задач времени. Под таким напором новых жизненных фактов образовался раскол и в области экономической теории.

Учение Смита из сферы действительности перешло в кабинеты и окаменело. Отрешившись от живого чутья своего учителя, оно и при изменившихся

обстоятельствах времени продолжало стоять на прежних идеалах. На все запросы жизни у него был готов один ответ: «больше простора для индивидуума». Лучшее выразительницею воззрений позднейшей Смитовской школы была так называемая манчестерская партия, которая образовалась в Англии в 1839 году под руководством Ричарда Кобдена и Джона Брайта для агитации об отмене хлебных законов. Неутомимая борьба за начала абсолютной свободной торговли велась во имя воззрений Адама Смита и кончилась полным торжеством партии. Вслед за тем идеи манчестерской школы были перенесены и в Германию, где также происходил пересмотр старой таможенной системы. Когда возник социальный вопрос, эта школа прямо отнеслась к нему отрицательно и выставила против него теорию солидарности труда и капитала. По этой теории, фондом для рабочей платы всегда служит предпринимательский капитал. Возвышение заработной платы, по закону цен, может последовать только вследствие приращения капитала, назначаемого на предприятие. Естественный вывод отсюда, что единственным средством к поднятию зарплаток и улучшению быта наемных рабочих служит увеличение богатств владеющих классов. Не имея возможности отрицать явных фактов бедственного состояния рабочих, манчестерская партия объясняла их или влиянием хозяйственных стеснений прежнего времени, или недостаточным применением принципа хозяйственной свободы, или же собственным поведением наемных рабочих и их предков. Единственное средство выйти из затруднительного положения школа видела в самопомощи самих рабочих.

Наряду с манчестерской школой мало-помалу возникли теории социализма. Основную идею социализма составляет убеждение в невозможности достигнуть благосостояния большинства путем индивидуальных усилий отдельных членов общества. При неравенстве экономических сил полная свобода отдельных лиц ведет к порабощению слабейших сильнейшими. Единственный выход отсюда социализм видит в совокупном производстве и потреблении, в совокупной организации всего народного хозяйства, в общественном пользовании материалами и орудиями труда в противоположность современному личному их усвоению. Мы не будем входить в подробности планов различных социалистических систем, но не можем не отметить того факта, что основные их идеи пустили глубокие корни в рабочих кассах Западной Европы.

Средину между двумя крайностями манчестерства и социализма занимает так называемая историческая школа, возникшая в Германии. В противоположность манчестерскому учению, которое выделяет экономическую деятельность как особую сферу человеческой жизни, подчиненную отдельным самостоятельным законам, историческая школа признает, что хозяйство есть только одна из сторон народной жизни, которая стоит в теснейшей связи с прочими сторонами и может быть познаваема и обсуждаема лишь в причинной зависимости от остальных проявлений народного духа. Историческим и статистическим анализом эта школа стремится доказать несостоятельность Смитовской гипотезы о существовании непреложных, абсолютных хозяйственных законов. Так называемые хозяйственные законы суть, по мнению этой школы, лишь тенденции отдельных сил произвести известные следствия, — тенденции, которые могут быть устранены вмешательством разумной человеческой воли, несущей

поэтому ответственность за данные хозяйственные состояния. В противоположность космополитизму манчестерской школы и социализма, историческая школа доказывала, что человек, как общежительное существо, есть всегда продукт цивилизации и дитя истории, что его потребности, равно как умственный и нравственный склад, его отношения к вещам, людям, никогда не остаются одними и теми же, напротив различаются географически, изменяются в истории и идут вперед с общим прогрессом всей культуры человеческого рода. Отвергая возможность установить гармонию интересов различных классов в обществе путем одной свободной конкуренции, историческая школа требует планомерного воздействия общественной власти на устранение хозяйственных зол. По отношению к рабочему вопросу, она стоит за осторожное вмешательство государства на основании точного предварительного исследования быта трудящихся классов. Эти взгляды сделались ныне господствующими в Германии и соединили кругом себя представителей науки и влиятельных государственных и практических деятелей. Полного своего выражения взгляды исторической школы по социальному вопросу достигли на бывшем в 1872 году конгрессе в Эйзенахе, преобразовавшемся впоследствии в особое общество. В России идеи исторической школы получили право гражданства преимущественно под влиянием долголетних трудов на кафедре и в печати моего почтенного наставника и предшественника Ивана Кондр. Бабста.

Таковы три господствующих типа современных экономических теорий; с различными переходными оттенками они занимают собою все поле экономической литературы. Нельзя сказать, чтобы рознь направлений вытекала из самого существа экономического исследования. Она есть признак еще не установившегося состояния науки. С другой стороны она есть следствие слишком живого интереса, который возбуждают многие экономические вопросы. К исканию истины в этой области невольно примешиваются житейские симпатии и антипатии, бессознательно придавая известную окраску мнениям. Между тем при беспристрастном взгляде на дело в каждой из трех школ оказывается своя доля истины.

Цель всякой науки — объяснить явления действительности, указать управляющие ими законы. Область, подлежащая исследованию политической экономии, заключает в себе явления хозяйственной деятельности человека, т.е. деятельности, направленной на добывание средств для удовлетворения физическим и духовным потребностям его природы. В хозяйственной сфере человек действует не изолированно, но совокупно с другими. Факты, обнимаемые политической экономией, суть факты социального порядка. Между тем известно, что явления этого рода всегда зависят от совокупности разнообразных причин, часто переплетающихся одна с другою, перемешивающих свои влияния. Как отыскать связь между этими причинами и отношение их к объясняемому факту? Тот путь, который со времен Бэкона привел естественные науки к столь блестящим результатам, путь непосредственного наблюдения и опыта, в большей части случаев неприложим к сложным явлениям хозяйственного быта. Мысль по необходимости должна идти здесь путем вывода (дедукции). Она должна разложить явления на составные факторы и затем, отдельно исследовав законы действий каждого фактора, применить результаты к объяс-

нению явления. Если теперь мы мысленно разложим главные экономические явления на производящие их факторы, то найдем, что важнейшие из них — общие свойства человеческой природы, врожденное каждому разумному существу стремление к самосохранению, побуждающее человека, частью инстинктивно, частью сознательно, приноравливать свой труд к потребностям. Это стремление, применяемое на почве непреложных законов природы, влечет за собой ряд последствий, одинаковых для всех людей, где и в чем ни проявлялась бы их хозяйственная деятельность. Заслуга Адама Смита и его последователей в том и заключается, что они указали на существование таких первичных законов и дали первый опыт научного их исследования. Что бы ни говорила историческая школа об изменчивости экономических законов, но анализ показывает, что в ряду хозяйственных явлений есть некоторая доля содержания, всегда и при всех условиях остающаяся одной и тою же. К сожалению, однако, Смитова школа не осталась на той высоте, на которую ее поставил основатель политической экономии. Воспитанный в сфере данного хозяйственного строя, Адам Смит возвел на степень общих незыблемых законов многие специфические черты современного ему общества; в числе других примеров мы укажем хотя на трехчленное распределение продукта, которое в чистом виде свойственно одному английскому обществу XIX ст. Раскрытием этой истины наука обязана преимущественно социализму, который сумел в экономических явлениях отличить преходящее от вечного и перенести в область преходящего многое из того, что Смитова школа ошибочно считала вечным. Кроме того, социализму удалось в человеческой природе подметить некоторые другие стороны, кроме тех, на которые обратил внимание Смит и его последователи: выяснение начала кооперации в противоположность Смитову индивидуализму, есть дело социальных теорий. — Но экономическое исследование было бы неполно и одно-сторонне, если бы оно остановилось только на чертах, общих всем явлениям, вытекающих из свойств общечеловеческой природы. Оно должно объяснить всю совокупность причин, производящих явления. Между тем очевидно, что кроме общих черт, есть еще ряд влияний, специально свойственных лишь известным родам хозяйственных явлений, известным местностям и эпохам. Пока мы не знаем этих частичных влияний, осложняющих действия общечеловеческих причин, мы не можем понимать явления во всей его полноте. В выяснении роли этих второстепенных факторов, лежащих в промежутке между общими законами и конкретными явлениями, заключается заслуга немецкой исторической школы, хотя нельзя не заметить, что из-за понятного пристрастия к открытому ей новому приему она нередко слишком умаляет значение Смитовой школы и разбрасывается в мелочах.

Предшествующие замечания выясняют пред нами истинный тип экономической науки настоящего. Исходный ее пункт — исследование общих свойств человеческой природы, с которыми ее знакомят физиология и опытная психология. К ряду исходных посылок нужно присоединить еще изучение свойств человеческих групп, познание законов, управляющих человеческими соединениями, что составляет предмет давно желанной, давно искомой, но к сожалению до сих пор еще научно не обоснованной социологии. Из этих данных посылок с одной стороны и из исследованных естественными и техническими науками

законов внешней природы с другой, политическая экономия дедуктивным путем выводит ряд законов, объясняющих основные черты хозяйственной деятельности вообще, одинаково применимых ко всем отраслям хозяйства и ко всем ступеням исторического развития. Выполнив эту задачу, политическая экономия спускается в отдельные сферы человеческой деятельности и исследует те прибавки и видоизменения, которым подвергаются общие законы вследствие специальных условий, свойственных различным видам хозяйства. — Но и этим не кончается дело науки. Человечество находится в состоянии постоянного движения и обновления. Политическая экономия должна проследить, каким видоизменениям подвергались ее законы в течение исторической жизни человечества, в силу тех особых условий, которые приносила с собою каждая новая ступень развития культуры. Но так как наука пока еще не в силах точно исследовать все переходы экономического быта в истории, то она должна сосредоточиться преимущественно на особенностях нашего исторического периода. Вот та схема, которой мы постараемся держаться в предстоящих чтениях.